Д.С.Менделеева

МОТИВ "ТЕЛЕСНОЙ ТОЛСТОТЫ" В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Прежде, чем переходить непосредственно к теме нашей статьи, необходимо сделать несколько вступительных замечаний, поясняющих, какую роль играет обозначенный мотив в творчестве протопопа Аввакума.

Аввакумовские произведения обладают одной весьма любопытной чертой, которая состоит в том, что, изображая практически любого из своих персонажей, автор обязательно тем или иным образом выражает свое отношение к нему, оценивает его. Таким образом, большинство героев в произведениях протопопа очень четко разделены на положительных и отрицательных. Критерием такого деления становится не субъективное отношение протопопа, его личные симпатии и антипатии, а оцениваемое им место того или иного лица в религиозной полемике второй половины XVII в. Положительными героями в этом случае, естественно, оказываются единомышленники и соратники автора, святые, к авторитету которых он обращается, чтобы доказать правильность собственных убеждений, и некоторые особо почитаемые им персонажи Ветхого Завета. Отрицательную оценку получают преследователи протопопа, реальные и даже потенциальные его оппоненты. Среди них оказываются, прежде всего, никониане, а также разнообразные иноземцы: "латиняне", в изображении которых Аввакум опирается на многолетнюю книжную традицию, и греки, отношение автора к которым очень резко меняется в произведениях 60-х гг. XVII в. Вне рамок такого деления в творчестве Аввакума остается, пожалуй, только изображение сибирских язычников, восприятие которых автором неоднозначно. С одной стороны, протопоп прекрасно понимает, что перед ним люди иной веры и культуры, дикие и чуждые, с другой стороны, для него очевидна их непричастность к спору между старообрядцами и "новолюбцами", и поэтому картины общения с ними передают лишь непосредственные авторские эмоции — страх или интерес — и, по сравнению с изображением, например, никониан, кажутся иногда безучастно объективными[1].

Способы выражения авторского отношения к различным персонажам в произведениях протопопа весьма разнообразны. Это и яркие аввакумовские эпитеты ("лукавый царь", "лукавый собор" (РИБ, с. 275) — о греках и их участии в событиях Ферраро-

Флорентийского Собора; "никониян окаянный" (РИБ, с. 291), "зловредные церковные раздиратели" (РИБ, с. 311), "преступническое никонианское учение" (РИБ, с. 328) — о своих противниках и их деятельности; "возлюбление" (РИБ, с. 319), "бедныя" (РИБ, с. 337) — о соратниках и единомышленниках); и соответствующее изображение поступков и действий героев, и непосредственные авторские высказывания в тексте.

Одним из средств выражения авторской позиции в произведениях Аввакума являются литературные мотивы. Их специфика состоит в том, что они не только выражают авторское отношение, но и передают представления протопопа (возможно, даже не всегда осознанные) о тех или иных персонажах. С отрицательными героями в его творчестве связаны мотивы "телесной толстоты", "внешней мудрости", безумия, злобы и менее ярко выраженный мотив слабости, болезненности.

"Телесная толстота" у Аввакума — не только распространенная черта внешности отрицательных персонажей ("Посмотри-тко на рожу-ту, на брюхо-то, никониян окаянный,— толст ведь ты!" (РИБ, с. 291), с помощью этого образа обозначается также некое абстрактное понятие, используя которое, автор интерпретирует, в частности, известную притчу об узком и пространном пути: "Како в дверь небесную вместитися хощешь! Узка бо есть и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Нужно бо есть царство небесное и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие" (РИБ, с. 291). Таким образом, говоря о "толстоте" никониан, автор, очевидно, имеет в виду и несоответствие их поведения христианским нормам морали, и чрезмерный интерес к земному. Проблемы, волнующие никониан, которые упоминает Аввакум, действительно отличаются чрезвычайной приниженностью. В "Книге Бесед" их круг очерчен следующим образом: "Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить, как робят в олтаре за афедрон хватать". (РИБ, с. 292). В другом отрывке автор заявляет: "понеже... еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя" (РИБ, 283)[2]. И, наконец, высказывается о никонианах совсем резко: "Бог им — чрево..." (РИБ, с. 318).

Часто образ приверженцев "телесной толстоты" создается с помощью описания их обильных пиров: "любил вино и мед пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленые куры..." (РИБ, с. 390). Участники таких трапез составляют круг лиц, которых Аввакум пытается отрицательно охарактеризовать и обличить. Среди них и сам царь Алексей Михайлович ("На-вось тебе столовыя, долгие и бесконечные, пироги и меды сладкия, и водка процеженая, а зеленьем вином! А есть ли под тобою, Максимиян, перина пуховая и возглавие? И евнухи опахивают твое здоровье, чтобы мухи не куса-

ли великого государя?" (РИБ, с. 574), и личные знакомые протопопа, и даже сирийский царь Антиох ("А Хованской князь Иван Большой изнемог же. Чему быть! Не хотят отстать от Антиоха-тово Египетскаго; рафленые куры да крепкие меды как покинуть?" (РИБ, с. 929).

С помощью образа пира Аввакумом были осмыслены и сатирически отображены и те изменения, которые были введены никонианами в священническое облачение: "Иван Предтеча подпоясывался по чреслам, а не по титькам, поясмо усменным, сирчь кожанным: чресла глаголются под пупом опоясатися крепко, да же брюхо-то не толстеет. А ты что чреватая жонка не извредить бы в брюхе робенка, подпоясываесе по титькам! (...) И в твоем брюхе не меньше робенка бабья накладен беды-тоя,— ягод миндальных, и ренского, и романеи, и водок различных с вином процеженным налил..." (РИБ, с. 280—281).

Постепенно образ пира, кстати, с весьма однообразным набором блюд, превращается в сочинениях Аввакума в некий знак, литературное клише, и у него начинают появляться дополнительные значения. Например, изображая в "Книге толкований и нравоучений" "толстых" латинян, автор не просто описывает их пир, но рисует перед читателями картину предполагаемой трапезы в алтаре, священном месте, что является святотавством, и тем самым усиливает обличение: "яко папа, еритик Римской, после причастья в, олтаре птицы рафленые заедать на золотых блюдах, с похмелья! Как быть хорошо! прикусны! лутче просвир! мясцо птичье брюшка не пыщет!" (РИБ, с. 488). Описание совместной трапезы призвано обозначить сопричастность. С помощью этого образа Аввакум выражает мысль о зависимости греков от исламской Турции: "Мудры блядины дети-греки, да с варваром турским с одново блюда патриархи кушают рафленыя курки". (РИБ, с. 568). То же значение сопричастности через совместную трапезу появляется и в седующем отрывке, посвященном описанию никониан: "Тушны уже гораздо, упиталися у трапезы Иезавелины" (РИБ, с. 458). Таким образом, никониане оказываются за одним столом с древними идольскими жрецами. Вообще образ пира, еды постоянно используется Аввакумом и для обозначения древнего поклонения идолам: "На высоких жрал, сиречь на горах болваном кланялся" (РИБ, с. 468).

Интересно, что сами "толстые" никониане могут оказаться в роли угощения на чужом пиру; такой образ Аввакум создает, используя для их обличения отрывок из Апокалипсиса: "А прочих войско-то их побито будет на месте некоем Армагедон. Те до общего воскресения не оживут; телеса их птицы небесныя и звери земные есть станут: тушны гораздо, брюхаты,— есть над чем птицам и зверям прохлаждатися" (РИБ, с. 783—784). Такой образ звериного пира, судя по всему, является собственным дополнением автора к пересказу би-

блейских событий. В Острожской Библии этот фрагмент Апокалипсиса выглядит следующим образом: "а прочии оубиени будуть оружием седящего на кони изшедшим из оуст его, и вся птица насытяшася плоти их"[3]. Такое дополнение сближает сцену убиения никониан с описанием жертвоприношения Авраама из "Книги Бесед": "Бог же мину жертву костром и поядe огнем и птицы небесные телеса полизаше" (РИБ, с. 347).

Можно заметить, что для описания никониан и их будущей участи Аввакум достаточно часто использует образы, связанные с жертвоприношением. Это может быть сравнение сторонников Никона с жертвенными животными: "...шеи у них яко у телцов в день пира упитанны" (РИБ, с. 317), или же символическое описание самой церемонии: "Плачу рече, яко взял вас живых диавол и не вем, где положити хошет: яве есть, сводит в преглубокий тартар и огню неугасимому снедь устрояет" (РИБ, с. 291).

Еще одним поводом порассуждать о "толстоте" никониан для Аввакума явились нововведения второй половины XVII в. в иконном писании. Интересно, что, хотя протопопу был известен принцип, которым руководствовались авторы подобных новшеств,— стремление приблизить иконное изображение к портретному ("А все то кобель борзой Никон, враг умыслил, будто живыя писать" (РИБ, с. 283), автор, кажется, скорее склонен воспринимать в качестве портретов условные, но хорошо знакомые изображения на старых иконах. Именно к ним он обращается, чтобы доказать, что новые художники неверно передают внешность святых: "Возэри на святые иконы и виждь, яко добрые изуграфы подобие их описуют..." (РИБ, с. 291). В конце концов, протопоп приходит к выводу, что новые образы похожи не на древних святых, а на своих создателей-никониан: "пишите таковых же, якоже вы сами: толстобрюхих, толсторожих, и ноги и руки яко стулцы" (РИБ, с. 291) или на иноземцев. Очевидно, разбирая тонкости иконного писания, протопоп все же не решается обличать сами иконы — ибо предмет их изображения для него свят[4]. Поэтому все рассуждения аввакума направлены против создателей икон, "неподобных изуграфов"; не случайно даже те описания икон, где, на первый взгляд, нет упоминания об их создателях, в "Книге Бесед" начинаются с неопределенно личного "пишут".

Особое внимание протопоп обращает на то, что, движимые любовью к "плотскому умыслу", новые художники часто переходят границы здравого смысла: "Якоже фрязи пишут образ Благовещения Пресвятыя Богородицы, чреватую, брюхо на колени висит — во мгновении ока Христос совершен во чреве обретеся" (РИБ, с. 283). Подчеркивая неразумие никониан, автор далее еще более сгущает краски и утверждает, что вскоре, возможно, собразуясь со своими новонапечатанными книгами, никониане начнут изображать

Христа в иконах Рождества взрослым, с бородою и зубами (РИБ, с. 284).

В новых иконах Аввакуму, очевидно, не нравится не только "гипертрофированная телесность" образов ("пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, ... руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедры толстыя..." (РИБ, с. 282), Но и их излишняя красочность (уста червонная" (РИБ, с. 282), а также то внимание, которое художники уделяют изображению мелких деталей — морщин, тщательно уложенных волос: "И у каждого святого выправили вы у них морщины-то у бедных: сами они в животе своем не догадалися так зделать, как вы их учинили" (РИБ, с. 291). "Да и много же у них изменения-тово во иконах-тех: власы расчесаны..." (РИБ, с. 287). Последняя деталь постоянно упоминается в описании новых икон, даже если оно заключается в нескольких словах (например, явно конспективное изложение фрагмента из "Книги Бесед" в аввакумовском "Послании к отцу Ионе": "Иные Христов образ и Богородичен пишут неподобно, но тело бо-тело: и тучно, и волосат и, яко немчин, Христов образ написан" (РИБ, с. 899), и сближает описания конописных образов с портретами реальных никониан в произведениях протопопа: "Богом преданное скидали з голов, и волосы расчесали, чтобы бабы блудницы любили их" (РИБ, с. 279). Таким образом, возможно, по мнению Аввакума, новонаписанные иконы отображают внимание своих создателей к собственной внешности, которое автор решительно осуждает.

В размышлениях об икописном творчестве в противовес никонианским образам в "Книге Бесед" возникают идеальные образы древних святителей, внешний вид которых далек от творений новых художников: "Воззри на святыя иконы и виждь угодившая Богу, како добрые изуграфы подобие их описуют: лице, и руце, и нозе, и вся чувства тончава и измождала от поста, и труда, и всякия им находящия скорби" (РИБ, с. 291). Трапезы древних святых также мало напоминают пиры современных автору никониан: "Они в здешнем житии, о людях пекущеся, мало хлеба ели, о обращении их молящеся Богу..." (РИБ, с. 384). Аввакум утверждает, что "бледость" и "тонкость чувств" были обязательными чертами внешности духовенства в прежние времена: "древле бывших пастырей истинныя церкви являла бледость лица их и тонкость благоговенства сухости плоти. То есть отеческая похвала" (РИБ, с. 316). "Толстота" современных автору пастырей обличает, по его мнению, неправильность их идей: "Зрите, возлюбленнии, со вниманием жития их и поступки их. ... Ни еже по естеству плоти вида их признати можешь сан духовенства их" (РИБ, с. 316).

Еще один образ, связанный в творчестве протопопа Аввакума с мотивом "телесной толстоты",— это образ пузыря, символизирующий раздувшуюся гордость. С его помощью автор часто изображает

поведение отрицательных персонажей ("А Навходоносор, раздувшееся, глагола ко Господу Богу небесному: ты царствуешь на небеси, а я подобен Тебе здесь, на земли" (РИБ, с. 286), в том числе и никониан. Из описаний протопопа создается впечатление, что его оппоненты, доказывая свою важность и значительность, словно пытаются занять как можно больше места в окружающем пространстве. Об этом говорит их одежда — "широкие жюпаны" (РИБ, с. 279) — и их манера вести себя на людях, которую Аввакум демонстрирует на примере Илариона, архиепископа Рязанского: "В карети сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу на площаде, чтобы черницы-ворухиниянки любили" (РИБ, 303).

Образ пузыря также ассоциируется у Аввакума с непрочностью, мнимой, кажущейся силой: "Ненаскочи, не отскочи: так и благодать бывает тут. А аще, раздувшеся, кинешся, опосле же изнемогши, отвержешися" (РИБ, с. 772). Поэтому внешняя напыщенность и важность никониан не пугают протопопа, он не оставляет надежд на благополучный исход для себя и своих соратников: "А тайна уже давно делается беззакония, да как распухнет, так и треснет. Еще после никониан чаем поправления о Христе Иисусе, Господе нашем" (РИБ, с. 785).

Согласно наблюдениям Н.С.Демковой, образ пузыря, обозначающий человеческую гордость, мог быть заимствован Аввакумом из сочинения Иоанна Златоуста "Откуду познается совершен христианин", отрывок из которого. А человек, суете который уподобится... раздувается яко, пузырь..." (РИБ, с. 42) протопоп использует в нескольких своих сочинениях[5]. Однако, как показывают приведенные выше примеры, этот образ был самостоятельно осмыслен автором XVII века и приобрел в его сочинениях ряд новых оттенков.

Интересной особенностью мироощущения протопопа Аввакума является то, что он использует образ "телесной толстоты" для описания абстрактных понятий, там, где он, казалось бы, неприменим. Значение этого образа в таких случаях двойственно. С одной стороны, он достаточно часто встречается в описаниях отрицательных персонажей. "Плотским умыслом", то есть склонностью к размышлению о земном и земными категориями, обладают никониане, противопоставленные в этом отношении Христу: "А то все писано по плотскому умыслу... Христос же Бог наш тонкостны чувства имея все..." (РИБ, с. 283). "Дебелыми", то есть грубыми, не соответствующими действительности, оказываются размышления грешников о рае: "и дебелы суть, и толсты расмышления грешных о небесных красотах, не достигают умом своим толще духовного жития" (РИБ, с. 520). В другом случае тот же самый эпитет Аввакум применяет, говоря не только о грешниках, но обо всех людях вообще, утверждая, что человеческими словами нельзя определить местонахождение

Бога: "По человеку молыть дебелым глаголом... (РИБ, с. 604). Подобную двойственность можно объяснить тем, что "толстота" в последнем примере возникает в рамках более широкого, нежели рассказ о церковной полемике, противопоставления земного и небесного. Общая отрицательная окрашнность интересующего нас мотива в этом случае сохраняется.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На некоторую неопределенность в отношении автора к сибирским язычникам указывает то, что в "Житии" чередуются эпизоды, в которых иноземцы представлены как отрицательные персонажи ("На Оби великой предо мною человек 20 погубили христиан"). Памятники историческая библиотека. Т. 39. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием страницы. ("На Иртыше реке собрание их стоит: ждут березовских наших з дощеником и побить... (РИБ. Л., 927. Т. 39. С. 44), неоднократно описано то состояние ужаса, которое испытывают все окружающие перед иноземцами или при одной мысли об их нападении) "Он в дощениках со оружием и с людьми, а слышал я, едучи, от иноземцев дрожали и боялись" (РИБ, с. 38), с фрагментами, в которых коренные жители Сибири изображены нейтрально или вполне положительно: "И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробно возвещает... как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам" (РИБ, с. 38) "А до тово николи тут вода не бывала — и иноземцы дивятся" (РИБ, с. 48). Тщательно описанная Аввакумом сцена волхвования перед походом Пашкова-младшего на "мунгальских людей" по лексие и общему тону повествования гораздо более спокойна, чем изображенные здесь же в "Житии" церковные службы с никонианскими нововведениями, которые для автора нестерпимы "пущи жидовскаго действа" (РИБ, с. 17). Вероятнее всего, эту особенность памятника можно объяснить тем, что эмоциональное изображение язычников сибиряков не согласовывалось с основной идеей "Жития" — о превосходстве старообрядцев над "новолюбцами".

[2] Кстати, именно с любовью к телесному и земному автор "Книги Бесед" связывает многие изменения в богослужении, произведенные в ходе церковной реформы. Именно ею объясняется, в частности, замена восьмиконечного креста на "четвероконечный". Возникновение последнего Аввакум относит ко временам Ветхого Завета ("Аще он и знаменоносен был в древнем Моисеове законе" (РИБ, с. 262), где он был связан с непосредственным облегчением жизни древних израильтян: бегством из Египта, победой над войсками Аммиалика и т.д. Как замечает протопоп, "вся сия знамения бысть к плотскому избавлению, а не к душевному спасению" (РИБ, с. 262–263).

[3] В Острожской Библии этот фрагмент Апокалипсисе передан следующим образом: "а прочии оубиени будуть оружием седящего на кони изшедшим из оуст его, и вся птица насытяшася плоти их" (Библия. Острог. 1581. Л. 3870).

[4] Единственным случаем обращения непосредственно к изображенному на иконах является весьма осторожное сравнение их с древним идолом золотого тельца в финале четвертой беседы: "Толсто же телище-то тогда было и велико, что нынешние образы, писанные по немецкому!" (РИБ, с. 287).

[5] Пустозерский сборник. Л., 1975. С. 238.